

7 10 ФЕВ. 1936

К гастролям китайского театра

Веселый, жизнерадостный спектакль

Летом и осенью 1935 года бугуруславцы видели немало ярковых кустарей-одиночек. Их появление в городе всегда знаменовалось одним и тем же. Вдруг, на заборах и стенах, появляются афиши с „погребальными“ анплагами вроде: „на волосок от смерти“, „мертвая петля“, „артист—фон-дер-Николя Копейкин будет зарыт живым в землю“, „прокол кивчалом насквозь живота“, „человек без головы“ и так далее.

Приходишь вечером в город. На главной аллее сооружено что то вроде виселицы. Висят веревки, трапелины, кольца. Начинается представление. И тут обнаруживается, что фон-дер-Николя Копейкин заболел и в землю зарыт быть не может, а его партнер, кувыркаясь на трапелинах не смог показать ни „мертвого“, ни „бессмертного“ номера. Все дело, обыкновенно, кончалось тем, что „великие“ актеры зашивали „мертвую“ и

замертво доставлялись для отвезения в милицию.

Китайский театр наркомпроса Узбекистана, гастролирующий сейчас в Бугуруслане, очень выгодно отличается от всей этой халтуры, которая нет-нет да и появится на Бугурусланском горизонте. Спектакли китайского театра—это спектакли, дышащие молодостью, жизнерадостностью, весельем. Публика хохочет, рассыпает актерам аплодисменты. „Вис“, „браво“ несется из всех углов театра.

Вот на сцене китайский артист Дин-Дзы-Мин. Он вызывает из публики двух партнеров: девушку и парня.

— Я сейчас угощу вас, — говорит он партнеру.

— А вас, — обращается артист к девушке, — одену с ног до головы.

На столе два пустых цилиндра, покрытые розовыми платочками. Мы несколько раз убеждаемся, что ни в цилиндрах, ни под ними, ни в столе, ни под столом ничего нет. И

вдруг, Дин-Дзы-Мин достает из цилиндров салфетку, папиросы, шелк палевый, фиолетовый креп-де-шин, батист, белый шелк, чайный стакан, булку, баранки, шелковый шарф, женские чулки, воблу, колбасу, водку, комбинацию, огромный чайник с чаем и так далее.

Что же это, волшебство?

— Нет, просто ловкость рук и никакого мошенничества — сильно акцентируя говорит Дин-Дзы-Мин.

Публика хохочет, рукоплещет.

На столе появляется рамка, утыканная кивчалом, остриями во внутрь Их „лазорная“, эбеновая, холодная сталь поблескивает на электрическом свете. Миг и Дин-Дзы-Мин „ласточкой“ летит сквозь рамку, сквозь ноги. Гасится свет. На рамке зажигается множество маленьких факелов. Сквозь ноги и огонь красиво прыгает артист. Много еще различных веселых и прекрасных номеров показал Дин-Дзы-Мин.

Вело-фигурист Сабини. Такие велосипедные номера какие делал он на сцене, бугуруславцы видят впервые. Замечательные номера! Он ездит боком, вверх ногами, с рулем и без руля. Ездит на одном колесе, на огромном стержне, прикрученном к колесу и так далее. Артист Сабини показал зрителям свою ловкость, отвагу, расчетливость.

Два Никси. Они неплохо жонглировали шарами, кругами, проделывали другие хорошие номера. Вот Никси-художник—моменталист. Углем и мелом, в несколько минут, он рисует „лунную ночь“, потом „одиночую березку“ и „зиму“. Рисунки оставляют у зрителя большое впечатление.

Веселый, жизнерадостный спектакль!

В заключение надо сказать, что постановки китайского театра должны просмотреть все.

П. Пешков.